

ТЕОДОР
ДРАЙЗЕР

Дженни Герхардт

✦ ЗАРУБЕЖНАЯ КЛАССИКА ✦

Теодор Драйзер

Дженни Герхардт

Серия «Зарубежная классика (АСТ)»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=129973
Дженни Герхардт: Эксмо; Москва; 2018
ISBN 978-5-699-45238-5

Аннотация

Второй роман классика мировой литературы, увидевший свет только спустя одиннадцать лет после скандальной «Сестры Керри».

Дженни Герхардт, наивная и мечтательная девушка, поступает на работу в гостиницу, чтобы помочь своей нуждающейся семье. Черная полоса суровых испытаний и лишений, казалось бы, заканчивается с появлением Лестера – наследника крупной промышленной компании. Однако семья Кейн не готова принять союз с девушкой не из их круга, и тогда перед Дженни встанет непростой выбор: поступиться собственным счастьем или пойти наперекор высшему свету...

История о благородстве, стойкости перед жестокими ударами судьбы и всепобеждающей силе любви, в свое время названная критиками «лучшим американским романом, который когда-либо читали».

Теодор Драйзер Дженни Герхардт

Глава I

Осенним утром 1880 года немолодая женщина в сопровождении девушки лет восемнадцати вошла в главный отель города Колумбуса (штат Огайо) и, подойдя к портье, спросила, не найдется ли для нее в отеле какой-нибудь работы. Она была полная, но некрепкого сложения, держалась скромно и просто. Лицо у нее было открытое, большие глаза смотрели терпеливо и кротко, и в них таилась тень скорби, понятной лишь тем, кому случалось участливо заглянуть в лицо беспомощного, подавленного горем бедняка. Нетрудно было понять, откуда взялись у ее дочери робость и застенчивость, которые теперь заставляли ее держаться позади матери и с притворным равнодушием смотреть в сторону. В характере этой девушки воображение, природная чуткость и впечатлительность неразвитого, но поэтического ума, унаследованные от матери, сочетались с отцовской серьезностью и уравновешенностью. Женщин этих привела сюда нужда. Они казались таким трогательным воплощением честной бедности, что вызвали сочувствие даже у портье.

– А какую работу вы ищете? – спросил он.

– Может, вам нужно где прибрать или что почистить, – несмело ответила мать. – А еще я могу мыть полы.

Дочь при этих словах поежилась – не то чтобы ей не хотелось работать, но было горько, что люди поймут, какая крайность заставляет их браться за черную работу. Портье, как подобает мужчине, был тронут горем красивой девушки. Что и говорить, из-за ее наивности и беспомощности их доля казалась еще более тяжелой.

– Подождите минуту, – сказал он и, пройдя в контору, подзвал старшую горничную.

В отеле действительно нашлась работа. Главная лестница и вестибюль оставались неубранными, так как постоянная поломойка получила расчет.

– Это ее дочка? – спросила старшая горничная, издали глядя на женщин.

– Похоже на то.

– Что ж, пускай сегодня же принимаются за работу. Девушка, наверно, будет помогать?

– Поговорите со старшей горничной, – приветливо сказал портье, вернувшись к своей конторке. – Пройдите вот сюда. – Он указал на дверь рядом. – Там с вами договорятся.

Сцену эту можно назвать трагическим завершением долгой череды несчастий и неудач, которые постигли Уильяма Герхардта, стеклодува по профессии, и его семью. Этот человек потерял работу – такие превратности судьбы хорошо знакомы бедным труженикам – и теперь с трепетом встречал

каждое утро, не зная, что принесет новый день ему, его жене и шестерым детям, ибо их хлеб насущный зависел от прихоти случая. Сам Герхардт был прикован болезнью к постели. Его старший сын, Себастьян, или Басс, как называли его приятели, работал подручным в местных вагоностроительных мастерских, но получал только четыре доллара в неделю. Дженовьеве, старшей дочери, минуло восемнадцать, но ее до сих пор не обучили никакому ремеслу. У Герхардта были и еще дети – четырнадцатилетний Джордж, двенадцатилетняя Марта, десятилетний Уильям и восьмилетняя Вероника; они были еще слишком малы, чтобы работать, и всех их надо было прокормить. Единственным достоянием и подспорьем семьи был принадлежавший Герхардту дом, да и тот заложен за шестьсот долларов. Герхардт занял эти деньги в то время, когда, истратив свои сбережения на покупку дома, задумал пристроить к нему еще три комнаты и веранду, чтобы семье жилось просторнее. До полного расчета по закладной оставалось еще несколько лет, но настали такие тяжелые времена, что пришлось истратить и небольшую сумму, отложенную для уплаты основного долга, и взнос в счет годовых процентов. Теперь Герхардт был совершенно беспомощен и сознавал, что положение его отчаянное: доктор прислал счет, проценты по закладной не выплачены, давно пора расплатиться с мясником, с булочником – оба они, полагаясь на его безукоризненную честность, верили ему в долг до последней возможности... Все это терзало и мучило его

и мешало справиться с недугом.

Миссис Герхардт отнюдь не была малодушной женщиной. Она стала брать белье в стирку, когда удавалось найти клиентов, а в остальное время шила и чинила одежду детей, собирала их в школу, стряпала, ухаживала за больным мужем и, случалось, плакала. Нередко она отыскивала какую-нибудь новую бакалейную лавку – каждый раз все дальше и дальше от дома – и, заплатив для начала наличными, получала кредит до тех пор, пока другие лавочники не предостерегали легковверного благотворителя. Кукуруза была дешевле всего. Миссис Герхардт варила полный котел, и этой еды, чуть ли не единственной, хватало на целую неделю. Каша из кукурузной муки тоже была лучше, чем ничего, а если в нее удавалось подбавить немного молока, это было уже почти пиршество. Жареная картошка считалась у Герхардтов самым роскошным блюдом, кофе – редким лакомством. Уголь они подбирали, бродя с ведрами и корзинами по запутанным путям соседнего железнодорожного депо. Дрова добывались во время таких же походов на ближайшие лесные склады. Так они перебивались со дня на день, в ежечасной надежде, что отец поправится и что возобновится работа на стекольном заводе. Но приближалась зима, и Герхардтом все сильнее овладевало отчаяние.

– Я непременно должен поскорее выпутаться из этой истории, – то и дело повторял упрямый немец; его маловыразительный голос бессилён был передать гложущую его тре-

вогу.

В довершение всех несчастий маленькая Вероника заболела корью, и несколько дней ее жизнь была в опасности. Мать забросила все дела, не отходила от ребенка и молилась. Доктор Элуонгер, движимый сочувствием, ежедневно навещал больную. Лютеранский священник, пастор Вундт, являлся с утешениями от лица святой церкви. Оба они вносили в дом дух мрачного ханжества. Это были облаченные во все черное посланцы высших сил. Миссис Герхардт думала, что теряет свою девочку, и скорбно бодрствовала у ее постели. Через три дня опасность миновала, но в доме не было ни куска хлеба. Получка Себастьяна ушла на лекарства. Только уголь удавалось добывать даром, но уже несколько раз детей прогоняли из депо. Миссис Герхардт мысленно перебрала все места, куда можно было бы обратиться в поисках работы, и без всякой надежды на успех отправилась в отель. И вот, чудом, ей повезло.

– Сколько вы хотите? – спросила старшая горничная.

Миссис Герхардт никак не думала, что ее станут об этом спрашивать. Но нужда придала ей храбрости.

– Доллар в день – не слишком много?

– Хорошо, – сказала старшая горничная. – В неделю наберется работы примерно дня на три. Приходите каждый день после полудня, и вы вполне справитесь.

– Спасибо вам, – сказала миссис Герхардт. – Можно начать сегодня же?

– Да. Пойдемте, я покажу, где ведра и тряпки.

Отель, куда они так неожиданно попали, был для того времени и для города Колумбуса весьма примечательным заведением. Колумбус, столица штата, насчитывает пятьдесят тысяч жителей, притом тут всегда много приезжих, а стало быть, в городе должны процветать отели и гостиницы, и это обстоятельство использовалось наилучшим образом – по крайней мере, так с гордостью полагали сами горожане. Пятиэтажное здание внушительных размеров стояло на центральной площади Колумбуса, где находились также законодательное собрание штата и крупнейшие магазины. Просторный вестибюль отеля недавно был отделан заново. Пол и мраморная облицовка стен тщательно протирались и сверкали белизной. Наверх вела великолепная лестница с перилами орехового дерева и медными прутьями, придерживающими ковер на ступенях. В одном углу вестибюля видное место занимала стойка, где продавались газеты и сигары. Под лестницей была конторка, за которой дежурил портье, и помещение администрации отеля; все было отделано деревом лучших сортов и увешано газовыми рожками – новинкой того времени. В конце вестибюля помещалась парикмахерская – за дверью виднелись кресла и сверкающие бритвенные приборы. Перед отелем всегда можно было видеть два или три омнибуса, они подъезжали и отъезжали в соответствии с расписанием поездов.

В этом роскошном караван-сарая останавливались круп-

нейшие политические и общественные деятели штата. Несколько губернаторов поочередно избирали его своей резиденцией. Оба сенатора из конгресса Соединенных Штатов, когда дела призывали их в Колумбус, неизменно занимали здесь номера люкс. Одного из них, сенатора Брэндера, владелец считал почти постоянным своим жильцом, поскольку у этого старого холостяка не было, в сущности, другого дома в Колумбусе, кроме отеля. Среди прочих, менее оседлых постояльцев были члены конгресса, законодательного собрания штата, а также кулуарные политики, коммерсанты, адвокаты, врачи – словом, кого там только не было; вся эта разношерстная публика приезжала и уезжала, и отель жил калейдоскопически пестрой и суетливой жизнью.

Мать и дочь, внезапно закинутые судьбой в этот ослепительный мир, были безмерно напуганы. Они едва решались к чему-либо притронуться. Широкий, устланный красным ковром коридор, который они должны были подмести, казался им величественным, как дворец; они не смели поднять глаза и говорили шепотом. Когда же пришлось мыть великолепную лестницу и чистить медные прутья и решетки, обеим понадобилось призвать на помощь все свое мужество: матери – чтобы преодолеть робость, дочери – чтобы побороть стыд, ведь она должна заниматься этим на виду у всех. Под ними раскинулся огромный вестибюль, и все, кто там отдыхал, курил, входил и выходил, могли видеть их обеих.

– Как тут красиво, правда? – шепнула Дженовьева и

вздрыгнула от звука собственного голоса.

– Да, – тихо отозвалась мать; стоя на коленях, она неловкими руками усердно выжимала тряпку.

– Наверно, чтобы жить здесь, нужно очень много денег!

– Да, – сказала мать. – Не забывай протирать вот тут, в уголках. Смотри, сколько грязи ты оставила.

Дженни, огорченная этим замечанием, усердно взялась за работу и терла изо всех сил, уже не смея больше смотреть по сторонам.

Старательно, не жалея рук, они работали до пяти часов; на улице уже стемнело, и вестибюль был ярко освещен. Они кончали мыть лестницу, оставалось несколько ступеней в самом низу.

В это время отворилась широкая двустворчатая дверь, которая то и дело распахивалась, впуская с улицы струю холодного воздуха, и вошел высокий немолодой человек в цилиндре и широком плаще военного покроя; он резко выделялся на фоне праздной толпы – сразу видно было, что это важная особа. Лицо у него было смуглое, со строгими чертами, но открытое и приятное; над блестящими глазами нависали густые черные брови. Он на ходу взял с конторки уже приготовленный для него ключ и стал подниматься по лестнице.

Он не только осторожно обошел пожилую женщину с тряпкой, но и снисходительно махнул ей рукой, словно говоря: «Ничего, я пройду».

В эту минуту дочь выпрямилась и оказалась с ним лицом

к лицу; по ее глазам было видно, как она испугана тем, что очутилась у него на дороге.

Он приветливо улыбнулся и кивнул.

– Напрасно вы беспокоились, – сказал он.

Дженни только улыбнулась в ответ.

Поднявшись площадкой выше, он невольно обернулся и, взглянув на девушку, убедился, что она, как и показалось ему сразу, необыкновенно хороша собой. Он заметил высокий чистый лоб, волосы, ровно разделенные пробором и заплетенные в косы, голубые глаза и румянец. Он успел даже полюбоваться красивым изгибом губ, почти детским овалом лица и стройной, изящной фигуркой, воплощением юности, здоровья и надежд – всего, что так высоко ценит человек уже немолодой. Затем он с достоинством пошел дальше, ни разу больше не взглянув в ее сторону, но унося с собой ее прелестный образ. Это был distinguished сенатор Джордж Сильвестр Брэндер.

– Какой он красивый, этот человек, который сейчас прошел наверх, правда? – немного погодя сказала Дженни.

– Да, – подтвердила мать.

– И трость у него с золотым набалдашником.

– Не надо глазеть на людей, – наставительно сказала мать. – Нехорошо.

– Я на него не глазела, – простодушно возразила Дженни. – Он сам мне поклонился.

– Незачем тебе смотреть на чужих, – сказала мать. – Мо-

жет быть, им это не нравится.

Дженни снова молча принялась за работу, но блеск этого удивительного мира не мог не занимать ее. Помимо воли она прислушивалась к царившему вокруг оживлению, к разговорам и смеху, которые сливались в сплошной веселый гул. В одном конце первого этажа был ресторан; оттуда доносился звон посуды, и нетрудно было угадать, что там накрывают на стол к ужину. В другом конце находилась гостиная, там кто-то заиграл на рояле. Во всем чувствовалась веселая непринужденность, обычная перед вечерней трапезой. И сердце бедной девушки забилося надеждой, ибо она была молода и нужда еще не успела придавить ее душу всей своей тяжестью. Она продолжала прилежно мыть и чистить и минутами забывала о своей усталой матери, работавшей рядом, — о матери, чьи добрые глаза окружены были сетью морщин, а губы беззвучно повторяли нескончаемый перечень повседневных забот. Девушка могла думать только о том, как заманчиво все вокруг, и ей хотелось, чтобы и на ее долю выпало немного этого блеска и веселья.

В половине шестого старшая горничная, вспомнив о них, пришла их отпустить. С лестницей было покончено; со вздохом облегчения они оставили ее и, убрав на место ведра и тряпки, заторопились домой, причем мать была очень довольна, что наконец-то нашла работу.

Они шли мимо больших красивых зданий, и снова Дженни ощутила смутное волнение, которое пробудили в ней

необычность и новизна всего виденного в отеле.

– Хорошо быть богатым, правда? – сказала она.

– Да, – отозвалась мать, думая о больной Веронике.

– Ты видела, какая у них там огромная столовая?

– Да.

Теперь они шли мимо жалких, неказистых домов, под ногами безжизненно шуршали осенние листья.

– Вот бы мы были богатые... – почти про себя пробормотала Дженни.

– Не знаю, что и делать, – с тяжелым вздохом призналась мать. – Дома, наверно, совсем есть нечего.

– Давай зайдем еще раз к мистеру Баумену! – с живым сочувствием откликнулась Дженни, тронутая ноткой безнадежности, прозвучавшей в голосе матери.

– Ты думаешь, он еще поверит нам?

– Мы ему скажем, что нашли работу. Я сама скажу.

– Хорошо, – устало согласилась мать.

Не доходя двух кварталов до дому, они несмело вошли в маленькую, тускло освещенную бакалейную лавку. Миссис Герхардт хотела заговорить, но Дженни опередила ее.

– Вы не дадите нам сегодня в долг хлеба и немного сала? Мы получили работу в «Колумбус-Хаусе», в субботу мы непременно вам заплатим.

– Да, – прибавила миссис Герхардт, – теперь у меня есть работа.

Они были постоянными покупательницами Баумена еще

до того, как начались все несчастья и болезни, и он знал, что они говорят правду.

– А давно вы там работаете? – спросил он.

– Нынче первый день.

– Вы меня знаете, миссис Герхардт, – сказал он. – Мне не хотелось бы вам отказывать. Мистер Герхардт человек надежный, но ведь я тоже небогат. Время сейчас тяжелое, – прибавил он, – а у меня семья.

– Да, я понимаю, – тихо сказала миссис Герхардт.

Спрятав под старой шалью огрубевшие, красные от работы руки, она беспокойно сжимала их. Дженни стояла рядом в напряженном молчании.

– Ладно, – сказал наконец Баумен. – На этот раз, так и быть, еще дам в долг. В субботу заплатите сколько сможете.

Он завернул им хлеб и сало и, протягивая Дженни сверток, сказал с усмешкой:

– Когда у вас снова появятся деньги, вы, наверно, станете покупать где-нибудь в другом месте.

– Неправда, – возразила миссис Герхардт, – вы же знаете, что нет.

Но она была слишком измучена, чтобы вступать с ним в долгие объяснения.

Они повернули за угол и пошли по мрачной улице, застроенной убогими домишками.

– Хотела бы я знать, достали ли дети угля? – устало сказала мать, когда они были в нескольких шагах от дома.

– Не волнуйся, – сказала Дженни. – Если не достали, я пойду и принесу.

– Какой-то дядька нас прогнал, – не успев даже поздороваться, выпалил Джордж, когда мать спросила про уголь. – Но я все-таки принес немножко, – добавил он. – С платформы сбросил.

Миссис Герхардт улыбнулась, а Дженни громко рассмеялась.

– А как Вероника? – спросила она.

– Спит как будто, – сказал отец. – Я ей в пять часов еще раз дал лекарство.

Мать приготовила скудный ужин и села у постели больной девочки, собираясь, как всегда, бодрствовать подле нее всю долгую ночь.

За ужином Себастьян внес деловое предложение, к которому все отнеслись с должным вниманием, так как он был человек практический, более других опытный во всех житейских делах. Себастьян работал всего лишь подручным в вагоностроительных мастерских и не получил никакого образования – его учили только догматам лютеранской веры, которые были ему очень и очень не по вкусу, – зато он был исполнен чисто американской энергии и задора. Рослый, атлетически сложенный и очень крепкий для своих лет, он был типичным городским парнем. У него уже выработалась своя жизненная философия: если хочешь добиться успеха – не зевай, а для этого надо сблизиться или по крайней мере де-

лать вид, будто близок с теми, кто в этом мире, где внешнее и показное превыше всего, занимает первые места.

Вот почему Басс любил слоняться у «Колумбус-Хауса». Ему казалось, что этот отель – средоточие всех сильных мира сего. Когда ему удалось скопить денег на приличный костюм, он стал по вечерам ходить в центр города и часами простаивал с приятелями у входа в отель; он щелкал каблуками, дымил сигарами по пять центов пара и, рисуясь, с независимым видом поглядывал на девушек. Тут бывали и другие молодые люди – городские франты и бездельники, заходившие в отель побриться или выпить стаканчик виски. Басс восхищался ими и стремился им подражать. О человеке тут судили прежде всего по платью. Раз люди хорошо одеты, носят кольца и булавки в галстуках, – что бы они ни делали, все хорошо. Басс хотел походить на них, поступать, как они, и его опыт по части пустого и бессмысленного препровождения времени быстро расширялся.

– Почему бы тебе не брать у постояльцев отеля белье в стирку? – сказал он Дженни, выслушав ее рассказ о событиях дня. – Это куда лучше, чем мыть лестницы.

– А как это сделать? – спросила она.

– Да просто обратиться к портье.

Совет показался Дженни очень разумным.

– Только смотри не заговаривай со мной, если встретишь возле отеля, – предупредил он ее, когда они остались одни. – Не подавай виду, что знаешь меня.

– Почему? – простодушно спросила она.

– Ты прекрасно знаешь, почему, – ответил брат; он уже не раз говорил, что у них у всех слишком жалкий вид, из-за такой родни сраму не оберешься. – Если встретимся, проходи мимо, и все. Слышишь?

– Хорошо, – кротко ответила Дженни. Хотя брат был лишь годом старше, она всегда ему подчинялась.

На другой день по дороге в отель она заговорила с матерью о предложении брата.

– Басс говорит, мы могли бы брать у постояльцев белье в стирку.

Миссис Герхардт, которая всю ночь мучительно раздумывала над тем, как бы заработать еще что-нибудь сверх трех долларов в неделю за уборку, одобрила идею Басса.

– Это верно, – сказала она. – Я спрошу в отеле.

Однако, когда они пришли в отель, удобный случай представился не сразу. Только под вечер судьба им улыбнулась: старшая горничная велела вымыть пол перед конторкой портье. Это важное должностное лицо явно к ним благоволило. Ему пришлось по душе добрая, озабоченная мать и хорошенькая дочка. И он благосклонно выслушал миссис Герхардт, когда она осмелилась задать ему вопрос, который весь день не выходил у нее из головы:

– Может, кто из ваших постояльцев согласится давать мне белье в стирку? Я была бы так благодарна.

Портье посмотрел на нее и снова прочел на этом невесе-

лом лице безысходную нужду.

– Посмотрим, – ответил он и тотчас подумал о сенаторе Брэндере и генерале Гопкинсе. Оба они люди отзывчивые и охотно помогут бедной женщине. – Поднимитесь наверх к сенатору Брэндеру. В двадцать второй номер. Вот, – портье записал номер на бумажке, – пойдите и скажите, что это я вас прислал.

Миссис Герхардт дрожащей рукой взяла бумажку. Ее глаза были полны благодарности, которую она не умела выразить словами.

– Ничего, ничего, – сказал портье, заметив ее волнение. – Пойдите сейчас же. Он как раз у себя.

Осторожно и почтительно постучала миссис Герхардт в дверь двадцать второго номера; Дженни молча стояла рядом.

Через минуту дверь открылась, и на пороге ярко освещенной комнаты появился сенатор. Он был в изящном смокинге и выглядел моложе, чем показалось им при первой встрече.

– Чем могу служить, сударыня? – спросил он миссис Герхардт, сразу узнав обеих.

Мать совсем смешалась и ответила не сразу:

– Мы хотели спросить... может, вам надо постирать белье?

– Постирать? – переспросил он удивительно звучным голосом. – Постирать белье? Ну, войдите. Сейчас посмотрим. Он учтиво посторонился, пропуская их, и закрыл дверь.

– Сейчас посмотрим, – повторил он, выдвигая один за

другим ящики солидного шифоньера орехового дерева.

Дженни с любопытством оглядывала комнату. Никогда еще она не видела такого множества безделушек и красивых вещиц, как здесь – на камине и на туалетном столике. Мягкое кресло и рядом лампа под зеленым абажуром, на полу толстый пушистый ковер, несколько маленьких ковриков, разбросанных там и сям, – во всем такое богатство, такая роскошь!

– Присядьте, вот стулья, – любезно сказал сенатор, уходя в соседнюю комнату.

Преисполненные пугливой почтительности, мать и дочь из вежливости остались стоять, но сенатор, покончив с поисками, повторил приглашение. Они смущенно и неловко сели.

– Это ваша дочь? – спросил он миссис Герхардт, улыбаясь Дженни.

– Да, сэр, – ответила мать. – Старшая.

– А муж у вас жив? – расспрашивал он далее. – Как ваша фамилия? Где вы живете?

Миссис Герхардт покорно отвечала на все вопросы.

– Сколько у вас детей? – продолжал он.

– Шестеро, – ответила миссис Герхардт.

– Семья не маленькая, что и говорить. Вы, без сомнения, выполнили свой долг перед страной.

– Да, сэр, – ответила миссис Герхардт, тронутая его вниманием.

– Так вы говорите, это ваша старшая дочь?

– Да, сэр.

– А чем занимается ваш муж?

– Он стеклодув. Только он сейчас хворает.

Они беседовали, а Дженни слушала, и большие голубые глаза ее глядели удивленно и пытливо. Всякий раз, как сенатор смотрел на нее, он встречал такой простодушный, невинный взгляд, такую чудесную улыбку, что ему трудно было отвести глаза.

– Да, – сказал он сочувственно, – все это очень печально. У меня тут набралось немного белья, вы его выстирайте, пожалуйста. А на той неделе, вероятно, будет еще.

Он сложил белье в небольшой, красиво вышитый синий мешок.

– В какой день вам его принести? – спросила миссис Герхардт.

– Все равно, – рассеянно ответил сенатор. – В любой день на той неделе.

Она скромно поблагодарила его и собралась уходить.

– Вот что, – сказал он, пройдя вперед и открывая перед ними дверь. – Принесите в понедельник.

– Хорошо, сэр, – сказала миссис Герхардт. – Спасибо вам.

Они ушли, а сенатор вновь принялся за чтение, но почему-то им овладела странная рассеянность.

– Печально, – сказал он, закрывая книгу. – В этих людях есть что-то очень трогательное.

Образ Дженни, полной изумления и восторга, витал в комнате.

А миссис Герхардт с дочерью снова шли по мрачным и темным улицам. Неожданная удача необычайно подбодрила их.

— Какая у него прекрасная комната, правда? — прошептала Дженни.

— Да, — ответила мать. — Он замечательный человек.

— Он сенатор, да? — продолжала дочь.

— Да.

— Наверно, приятно быть знаменитым, — тихо сказала девушка.

Глава II

Духовный облик Дженни — как его описать? Эта бедная девушка, которую нужда заставила помогать матери, стиравшей для сенатора, брать у него грязное белье и относить чистое, обладала чудесным, мягким характером, всю прелесть которого не выразишь словами. Бывают такие редкие, особенные натуры, которые приходят в мир, не ведая зачем, и уходят из жизни, так ничего и не поняв. Жизнь всегда, до последней минуты, представляется им бесконечно прекрасной, настоящей страной чудес, и если бы они могли только в изумлении бродить по ней, она была бы для них не хуже рая. Открывая глаза, они видят вокруг совершенный мир,

который им так по душе: деревья, цветы, море звуков и море красок. Это – их драгоценнейшее наследство, их лучшее богатство. И если бы никто не остановил их словами: «Это мое», – они, сияя счастьем, могли бы без конца странствовать по земле с песнью, которую когда-нибудь услышит весь мир. Это песнь доброты.

Но, втиснутые в клетку реального мира, такие люди почти всегда ему чужды. Мир гордыни и алчности косо смотрит на идеалиста, мечтателя. Если мечтатель заглядится на пролетающие облака, его упрекнут в праздности. Если он вслушивается в песни ветра, они радуют его душу, а окружающие тем временем спешат завладеть его имуществом. Если весь так называемый неодушевленный мир захватит его, призывая столь нежными и чарующими голосами, что кажется, они не могут не быть живыми и разумными, – мечтатель гибнет во власти стихий. Действительный мир всегда тянется к таким людям своими жадными лапами и завладевает ими. Именно таких жизнь превращает в покорных рабов. Такой была и Дженни в этом прозаическом мире. С детства каждый ее шаг был подсказан добротой и нежностью. Когда Себастьян падал и ушибался, это она, преодолевая тревогу и страх за брата, помогала ему встать и приводила к матери. Когда Джордж жаловался, что он голоден, она отдавала ему свой кусок хлеба. Долгими часами она баюкала младших братьев и сестер, ласково напевая и в то же время грезя о чем-то. Едва научившись ходить, она стала верной помощ-

ницей матери. Она мыла, чистила, стряпала, бегала в лавку и нянчила малышей. Никто никогда не слышал от нее ни слова жалобы, хотя она нередко задумывалась над своей горькой долей. Она знала, что многим девочкам живется гораздо привольнее и радостнее, но и не думала им завидовать; ей случалось втайне грустить, и все же она пела свои песенки. В ясные дни, когда она смотрела из окна кухни на улицу, ее тянуло на простор, в зеленые луга. Красота природы, ее линии и краски, свет и тени волновали девочку, как прекрасная музыка. Бывало, она уводила Джорджа и других детей в заросли орешника, в уютный тенистый уголок, где струился говорливый ручей, а вдали широко раскинулись поля. Она не умела, как делают поэты, выразить словами то, что чувствовала, но душа ее живо откликалась на всю эту красоту и радовалась каждому звуку, каждому дуновению.

Когда издалека доносилось негромкое, нежное воркованье лесных горлинок – этих духов лета, – она наклоняла голову и прислушивалась, и полные нежности звуки, словно серебряные капли, падали ей прямо в сердце.

Когда солнце пригревало жарче и сквозные тени и золотые узоры ложились на траву, Дженни не могла налюбоваться ими, ее тянуло туда, где лучи сверкали всего ярче, и, как замороженная, она уходила все дальше в мирную чашу леса.

Она чувствовала всю прелесть красок. Чудесное сияние, что разливается по небу в час заката, несказанно радовало и восхищало ее.

– Хорошо бы уплыть с этими облаками, – совсем по-детски сказала она однажды.

Она нашла качели, которые сама природа сплела из лозы дикого винограда, и теперь качалась на них с Мартой и Джорджем.

– Да, если бы была такая лодка, – сказал Джордж.

Запрокинув голову, Дженни смотрела на далекое облако – алый остров в море серебра.

– Вот бы людям жить на таком острове, – сказала она.

Мысленно она была уже там и легко пробегала по воздушным тропам.

– Смотри, пчела, – объявил Джордж, показывая на летящего мимо шмеля.

– Да, – мечтательно отозвалась Дженни, – она спешит к себе домой.

– А разве у всех есть дом? – спросила Марта.

– Почти у всех, – ответила Дженни.

– И у птиц? – спросил Джордж.

– Да, – сказала Дженни, всем существом чувствуя поэзию этой мысли, – и у птиц есть дом.

– И у пчел? – настаивала Марта.

– Да, и у пчел.

– И у собак? – спросил Джордж, увидев невдалеке на дороге одиноко бредущего пса.

– Ну конечно, – сказала Дженни. – Разве ты не знаешь, что у собак есть дом?

— А у комаров? — приставал мальчик, заметив комариный хоровод, выющийся в прозрачных сумерках.

— Да, — сказала она, сама наполовину веря этому. — Слушайте!

— Ого! — недоверчиво воскликнул Джордж. — Вот бы поглядеть, какие у них дома.

— Слушайте! — настойчиво повторила Дженни и подняла руку, призывая к молчанию.

Был тот тихий час, когда вечерний звон, как благословение, раздается над гаснущим днем. Смягченные расстоянием звуки тихо плыли в вечернем воздухе, и сама природа словно затихла, прислушиваясь вместе с Дженни. В нескольких шагах от нее прыгала по траве красногрудая малиновка. Жужжала пчела, где-то позвякивал колокольчик, подозрительное потрескивание в ветвях выдавало крадущуюся за орехами белку. Забыв опустить руку, Дженни слушала, пока протяжный звон не замер в воздухе, и сердце ее переполнилось. Тогда она поднялась.

— О! — вырвалось у нее, и в порыве поэтического восторга она крепко стиснула руки. В глазах ее стояли слезы. Чудесное море волновавшего ее чувства захлестывало берега.

Такова была душа Дженни.

Глава III

Сенатор Джордж Сильвестр Брэндер был человеком

необычного склада. Изворотливость политического дельца своеобразно сочеталась в нем с отзывчивостью народного представителя. Уроженец южного Огайо, он там же вырос и получил образование, если не считать двух лет, когда он изучал право в Колумбийском университете в Нью-Йорке. Он знал гражданское и уголовное право, пожалуй, как никто другой во всем штате, но никогда не занимался им с тем усердием, которое необходимо для выдающихся успехов на адвокатском поприще. Он неплохо зарабатывал, и ему не раз представлялась блестящая возможность заработать куда больше, если бы он пожелал пойти на сделку с совестью, но на это он не был способен. И однако, при всей своей честности и неподкупности, он подчас не мог устоять перед просьбой какого-нибудь приятеля. Лишь недавно, на последних президентских выборах, он поддержал кандидатуру человека, который – Брэндеру это было хорошо известно – отнюдь не обладал качествами, необходимыми для правителя.

Точно так же он был повинен в том, что несколько раз предоставлял государственные должности людям сомнительным, а в двух или трех случаях – явно непорядочным.

Когда его начинали одолевать угрызения совести, он успокаивал себя любимым присловьем: «Мало ли что в жизни бывает». Иной раз он подолгу одиноко просиживал в своем кресле, погруженный в невеселое раздумье, и потом, поднимаясь, с виноватой улыбкой повторял эти слова. Совесть его отнюдь не молчала, а его сердце, во всяком случае, чутко от-

зывалось на все.

Этот человек, трижды избиравшийся в законодательное собрание штата от округа, в состав которого входил Колумбус, и дважды – в сенат Соединенных Штатов, никогда не был женат. В юности он серьезно влюбился, и не его вина, что это не кончилось браком. Дама его сердца не пожелала ждать его, а ему тогда предстояло еще долго добиваться положения, которое дало бы ему возможность содержать семью.

Высокий, статный, широкоплечий, он внушал уважение одним своим видом. Он пережил утраты, изведal удары судьбы, в нем было что-то вызывающее симпатию в людях с живым воображением. Он слыл добрым и любезным, а его коллеги по сенату считали, что он звезд с неба не хватает, но очень милый человек.

Тогдашнее пребывание сенатора Брэндера в Колумбусе вызвано было необходимостью укрепить его пошатнувшийся политический престиж. На последних выборах в конгресс его партии не повезло. Сам он располагал достаточным количеством голосов и мог вновь быть избран, но для того, чтобы удержать их за собой, требовалось немало политической изворотливости. Ведь есть еще честолюбцы, кроме него. Найдется с полдюжины возможных кандидатов, и любой из них будет рад занять его место. Он отлично понимал, что сейчас от него требовалось. Противникам будет не так-то просто его одолеть, но, если это и произойдет, думалось ему, президент,

конечно, не откажется поручить ему какой-нибудь дипломатический пост за границей.

Да, сенатора Брэндера вполне можно было назвать человеком преуспевающим, но при всем том он чувствовал, что в его жизни чего-то не хватает. Он еще не сделал всего, что хотел. Вот ему пятьдесят два года, у него незапятнанная репутация почтенного, уважаемого и видного деятеля, но он одинок. Невольно он все снова и снова думал о том, что рядом нет никого, кому он был бы дорог. Собственная комната подчас казалась ему странно пустой, и он испытывал отвращение к самому себе.

«Пятьдесят лет! – часто думал он. – И один, один как перст...»

В этот субботний вечер, когда он сидел у себя в комнате, к нему тихонько постучали. Он в это время размышлял о том, сколь преходяще все в мире – и жизнь, и слава – и сколь бесплодна с этой точки зрения его политическая деятельность.

«Вот мы бьемся, жаждем завоевать какое-то положение, – думалось ему. – А пройдет несколько лет, и как мало все это будет значить для меня!»

Он поднялся, распахнул дверь и увидел Дженни. Она предложила матери отнести белье, не дожидаясь понедельника, чтобы удивить сенатора быстротой работы.

– Заходите, – сказал Брэндер и, как и в первый раз, любезно пропустил ее вперед.

Дженни вошла, ожидая похвалы за то, что они так быстро

справились, но сенатор этого даже не заметил.

– Ну, милая барышня, – сказал он, – как вы поживаете?

– Очень хорошо, – ответила Дженни. – Мы с мамой решили не ждать понедельника, а принести вам белье сегодня.

– Ну, это совершенно все равно, – небрежно заметил Брэндер. – Положите вон там, на стуле.

Дженни, не подумав о том, что ей еще не заплатили, собралась уходить, но сенатор удержал ее.

– Как поживает ваша матушка? – приветливо спросил он.

– Хорошо, – просто ответила Дженни.

– А ваша сестренка? Ей лучше?

– Доктор говорит, что лучше, – ответила Дженни.

– Присядьте, – предложил он. – Я хочу с вами побеседовать.

Девушка опустилась на стоявший рядом стул. Слегка откашлявшись, сенатор продолжал:

– А чем больна ваша сестра?

– У нее корь, – объяснила Дженни. – Одно время мы даже думали, что она уж не поправится.

Слушая девушку, сенатор пристально всматривался в ее лицо, и оно казалось ему необыкновенно трогательным. Она так бедно одета и так восхищается его высоким положением. В нем шевельнулся стыд за богатство и роскошь, в которой он жил. Что и говорить, судьба высоко вознесла его!

– Я рад, что ей лучше, – мягко сказал он. – А сколько лет вашему отцу?

– Пятьдесят семь.

– Он поправляется?

– Да, сэр, он уже встает с постели, только еще не выходит из дому.

– Кажется, ваша матушка говорила, что по профессии он стеклодув?

– Да, сэр.

Брэндер хорошо знал, что местная стекольная промышленность переживает кризис. Это было одним из результатов последней политической кампании. Должно быть, положение Герхардтов действительно очень тяжелое.

– Ваши младшие братья и сестры все ходят в школу?

– Д-да, сэр, – с запинкой ответила Дженни. Ей стыдно было сознаться, что один из братьев бросил учебу, потому что у него развалились башмаки. И ее мучило, что пришлось солгать.

Сенатор на минуту задумался; потом, сообразив, что у него нет больше предлога задерживать девушку, встал и пошел к ней. Вынув из кармана несколько кредиток, он протянул одну Дженни.

– Вот, возьмите, – сказал он. – Передайте вашей матушке, чтобы она распорядилась этим по своему усмотрению.

Дженни в замешательстве взяла деньги; ей не пришлось голову посмотреть, сколько ей дали. Она терялась в обществе столь замечательного человека, в его великолепном жилище и плохо понимала, что делает.

– Спасибо, – сказала она. – Вы назначите нам, в какой день приходить за бельем?

– Да-да, – ответил он. – Приходите по понедельникам. В понедельник вечером.

Она вышла, и он задумчиво притворил за нею дверь. Его интерес к этим людям был не совсем обычен. Несомненно, бедность и красота – сочетание, к которому трудно остаться равнодушным. Он уселся в кресло и предался приятным мыслям, на которые навело его посещение Дженни. Почему бы не помочь этой семье?

– Надо узнать, где они живут, – решил он наконец.

В последующие недели Дженни аккуратно приходила за бельем. Сенатор Брэндер все больше интересовался ею и вскоре сумел победить робость и неловкость, овладевавшие ею в его присутствии. Помогло, в частности, то, что он стал называть ее просто по имени. Это началось с третьего посещения Дженни, и потом, почти бессознательно, он стал все чаще называть ее так.

Едва ли можно сказать, что это выходило у него по-отечески – такое отношение к кому-либо было очень мало ему свойственно. Но, разговаривая с этой девушкой, он чувствовал себя каким-то помолодевшим и нередко спрашивал себя, неужели она не заметит и не оценит, что в нем еще столько юношеского.

А Дженни совсем покорили блеск и пышность, окружавшие этого человека, и – хотя она этого и не признавала –

сам Брэндер. Таких обаятельных людей она еще никогда не встречала. Все, что принадлежало ему, было прекрасно, все, что он делал, — благородно, значительно, достойно уважения. Неведомо откуда, быть может, от каких-нибудь своих немецких предков, Дженни унаследовала способность понимать и ценить все это. Жить нужно именно так, как живет этот человек. Особенно нравилось Дженни его великодушие.

Восхищение сенатором отчасти передалось Дженни от матери, у которой голос чувства всегда звучал громче, чем голос рассудка. Когда Дженни принесла ей десять долларов, миссис Герхардт была вне себя от радости.

— Я только на улице увидела, что тут столько денег, — сказала Дженни. — Он велел отдать их тебе.

Миссис Герхардт взяла бумажку и, бережно держа ее в ладонях, ясно представила себе сенатора — его статную фигуру и любезное обхождение.

— Что за человек! — сказала она. — Какое у него доброе сердце!

В этот вечер и на другой день миссис Герхардт только и говорила что об этом сказочном богаче, о том, какой он, без сомнения, добрый и великодушный. Когда дело дошло до стирки, она терла его белье чуть не до дыр, чувствуя, что, как бы она ни старалась, все будет мало. Сам Герхардт ни о чем не должен знать. Он человек таких строгих правил, что, как ни велика нужда, жене было бы нелегко убедить его взять лишние деньги, которые ими не заработаны. Поэтому она ниче-

го не сказала, а просто стала покупать на эти деньги хлеб и мясо – совсем понемногу, чтобы неожиданное богатство так и осталось незамеченным.

Отношение матери к сенатору передалось и Дженни, и, бесконечно благодарная ему, она стала разговаривать с ним проще и непринужденнее. У них установились настолько хорошие отношения, что, заметив, как понравилась Дженни маленькая кожаная рамка для фотографий, стоявшая на туалетном столе, Брэндер подарил ей эту вещицу. Всякий раз, как Дженни приходила к нему, он под каким-нибудь предлогом задерживал ее и скоро понял, что эту юную кроткую девушку до глубины души оскорбляет нужда, в которой ей приходится жить, и что она стыдится своей бедности. Это искренне восхищало его, и, глядя на ее жалкое платье и изношенные башмаки, он спрашивал себя, как бы ей помочь, не обидев.

Нередко он подумывал о том, чтобы как-нибудь вечером пойти за нею и самому посмотреть, в каких условиях живет ее семья. Но ведь он как-никак член сената Соединенных Штатов, а эти люди, должно быть, ютятся где-нибудь на убогой окраине. И он отбросил эту мысль – благоразумие на время взяло верх, и задуманный визит был отложен.

В начале декабря сенатор Брэндер на три недели вернулся в Вашингтон, и в один прекрасный день миссис Герхардт и Дженни с удивлением узнали, что он уехал. Он платил им за стирку не меньше двух долларов в неделю, а иногда и пять.

Быть может, он не представлял себе, какую брешь в их бюджете пробьет его отъезд. Но делать было нечего, пришлось им кое-как сводить концы с концами. Сам Герхардт теперь чувствовал себя лучше; обойдя немало фабрик в тщетных поисках работы, он обзавелся козлами и пилой и ходил из дома в дом, предлагая напилить дров. Работы было немного, но, не щадя сил, он все же ухитрился заработать два, а иногда и три доллара в неделю. Этих денег вместе с заработком жены и тем, что давал Себастьян, хватало на хлеб – но и только.

Наступила веселая пора Рождества, и нужда казалась Герхардтам особенно горькой. Немцы любят справлять Рождество с большой торжественностью. В эти дни всего нагляднее проявляется сила их родительских чувств. Они высоко ценят радости детства и стараются, чтобы малыши всласть натешились забавами и игрушками. Перед Рождеством, работая пилой, Герхардт-отец немало думал обо всем этом. Как бы ему хотелось порадовать и побаловать подарками маленькую Веронику – ведь она так долго была больна! Как бы он хотел подарить всем детям по паре крепких башмаков и сыновьям теплые шапки, а дочкам нарядные капоры. В прошлые годы они всегда получали на Рождество игрушки и сласти. Ему горько было думать, что настанет снежное утро праздника, а стол не будет щедро заставлен всем, чего так хочется детям.

Что до миссис Герхардт, ее чувства легче вообразить, чем описать. Она так болезненно переживала все это, что просто не в силах была заговорить с мужем о близящемся роковом

дне. В надежде сэкономить деньги на покупку тонны угля и избавить злополучного Джорджа от ежедневного паломничества на угольный склад она ухитрилась отложить три доллара – и вот теперь решила потратить эти деньги на рождественские подарки. Герхардт-отец тоже потихоньку сберег два доллара, рассчитывая в сочельник, в критическую минуту, их выложить и хоть немного успокоить и порадовать жену.

Но когда наступил сочельник, эти жалкие пять долларов оказались очень слабым утешением. В городе царила праздничная суета. Бакалейные магазины были разукрашены остролистом. Магазины игрушек и кондитерские ослепляли своим великолепием: тут было все, что только может понадобиться уважающему себя Санта-Клаусу. И родители и дети смотрели на витрины – одни с тоскливым сознанием своей горькой нужды, другие – с неистовым восторгом и едва сдерживаемой жадой обладать этими сокровищами.

Герхардт не раз говорил при детях:

– Санта-Клаус в этом году очень беден. Он не может принести много подарков.

Но ребенка, даже самого бедного, не заставишь в это поверить. Всякий раз отец видел, что, несмотря на его предупреждения, глаза детей горят все тем же радостным ожиданием.

Рождество приходилось на вторник, и накануне, в понедельник, в школе не было занятий. Уходя в отель, мис-

сис Герхардт посоветовала Джорджу набрать побольше угля, чтобы хватило на завтрашний день. Джордж сейчас же отправился в депо, взяв с собою двух младших сестер, но угля было мало, им не скоро удалось наполнить свои корзинки, и к вечеру у них оказался лишь очень скудный запас.

– Ты ходил за углем? – первым делом спросила миссис Герхардт, когда она в тот вечер вернулась из отеля.

– Ходил, – ответил Джордж.

– На завтра хватит?

– По-моему, хватит.

– Пойдем-ка, я посмотрю.

И, взяв лампу, они вышли в сарай, где сложен был уголь.

– О господи! – воскликнула миссис Герхардт. – Да тут совсем мало! Пойди сейчас же и принеси еще.

– Ну вот, – протянул Джордж, надув губы. – Я уже ходил, пускай теперь Басс идет.

Басс пришел с работы ровно в четверть седьмого и сейчас мылся и одевался, собираясь в город.

– Нет, – сказала миссис Герхардт, – Басс работал целый день. Ты должен пойти сам.

– Мне неохота, – проворчал Джордж.

– Очень хорошо, – сказала миссис Герхардт. – А если завтра нечем будет топить, тогда что?

Они вернулись в дом, но самолюбие Джорджа было слишком сильно задето, чтобы он мог считать вопрос решенным.

– Басс, ты тоже иди! – еще с порога крикнул он старшему

брату.

– Куда это?

– За углем.

– Вот еще, – ответил Басс. – За кого ты меня принимаешь?

– Ну, тогда и я не пойду, – упрямо тряхнул головой Джордж.

– А почему ты сегодня не набрал угля? – резко спросил брат. – У тебя был на это целый день.

– Да-а, я собирал, – сказал Джордж. – Только угля было очень мало. Где же я его возьму, раз его нет?

– Наверно, плохо собирал, надо было постараться получше.

– В чем дело? – спросила Дженни; она вернулась позже матери, так как по дороге заходила в лавку, и теперь, едва переступив порог, сразу заметила надутое и недовольное лицо Джорджа.

– Басс не хочет идти со мной за углем.

– А разве ты днем ничего не набрал?

– Набрал, да мама говорит – мало.

– Я пойду с тобой, – сказала сестра. – Пойдешь с нами, Басс?

– Нет, – холодно ответил молодой франт; он завязывал галстук и злился, что ему мешают.

– Да там и нет угля, – сказал Джордж. – Разве что с платформы скинем. А когда я ходил, так и платформ с углем не было.

– Уж наверно были! – воскликнул Басс.

– Не было, – повторил Джордж.

– Пожалуйста, не спорь, – сказала Дженни. – Бери корзинки, и пойдем, а то будет поздно.

Другие дети, очень любившие старшую сестру, тоже собрались идти с нею: Вероника взяла корзиночку, Марта и Уильям – ведра, Джордж – большую корзину для белья, которую им с Дженни предстояло наполнить и тащить вдвоем. И тут Басс, тронутый готовностью сестры поправить дело и все еще сохранявший к ней какие-то братские чувства, предложил:

– Вот что, Джен. Ты иди с малышами к Восьмой улице и обожди у платформы. Я тоже там буду. Только, когда я подойду, чтоб никто из вас и виду не подал, что вы меня знаете. Просто скажите: «Мистер, сбросьте нам, пожалуйста, немножко угля!» Я залезу на платформу и сброшу сколько надо. Поняли?

– Хорошо, – сказала Дженни, очень довольная.

Они вышли из дому в снежную вечернюю мглу и направились к железной дороге. Там, где улицу пересекали широкие подъездные пути товарной станции, стоял недавно прибывший состав, груженный углем. Дети укрылись в тени одного из вагонов. Пока они стояли, дожидаясь старшего брата, пришел вашингтонский скорый – великолепный длинный экспресс с несколькими спальными вагонами новейшего образца; сверкали большие зеркальные окна, за ними видне-

лись пассажиры, утонувшие в мягких, удобных креслах. Дети невольно отпрянули, когда поезд с громом проносился мимо.

– Какой длинный! – сказал Джордж.

– Вот бы мне быть кондуктором в таком поезде! – вздохнул Уильям.

Одна Дженни промолчала, но мысль о дальних путешествиях, о роскоши взволновала ее больше всех. Как прекрасна, должно быть, жизнь богатых людей!

Вдалеке показался Себастьян; у него была энергичная, мужественная походка, и все в нем выдавало человека, который знает себе цену. Он был необычайно упрям и решителен, и если бы дети не исполнили в точности его наставлений, он прошел бы мимо, даже не подумав им помочь.

Однако Марта отнеслась к делу с должной серьезностью и пропищала, как было велено: «Мистер, сбросьте нам, пожалуйста, немножко угля!»

Себастьян резко остановился, посмотрел на них, как на чужих, и со словами: «Что ж, можно!» – взобрался на платформу и с удивительным проворством сбросил столько угля, что с избытком хватило на все корзины. Потом, словно не желая задерживаться в столь недостойном обществе, он поспешно перешел через рельсы и скрылся из виду.

На обратном пути они встретили еще одного джентльмена, на сей раз настоящего, в цилиндре и великолепном плаще; Дженни его тотчас узнала. Это был не кто иной, как се-

натор Брэндер, только что вернувшийся из Вашингтона и не ожидавший от праздника ничего хорошего. Он приехал тем самым экспрессом, который привлек внимание детей, и, желая немного пройтись, налегке, с небольшим саквояжем в руках, направлялся в отель. И вдруг ему показалось, что он увидел Дженни.

– Это вы, Дженни? – окликнул он, замедляя шаг, чтобы взглядеться.

Дженни, узнавая его еще раньше, вскрикнула: «Ой, это мистер Брэндер!» – и, отпустив ручку корзины, велела младшим скорее нести уголь домой, а сама побежала в противоположную сторону.

Сенатор Брэндер пошел за нею и несколько раз позвал: «Дженни! Дженни!» – но напрасно. Потеряв надежду догнать девушку и вдруг поняв, что заставило ее убежать, он решил не смущать ее, повернулся и пошел за детьми. И снова, как всегда при встречах с этой девушкой, он ощутил всю пропасть между своим и ее положением. Вот он – сенатор, а эти дети подбирают на рельсах уголь. Какие радости принесет им завтрашний праздник? Полный сочувствия, он с наилучшими намерениями шел за ними и вскоре увидел, как они вошли в калитку и скрылись в убогом домишке. Сенатор пересек улицу и стал в негустой тени осыпанных снегом деревьев. Из окна, выходившего во двор, падал желтый свет. Все вокруг было покрыто снегом. Из сарая доносились голоса детей, и раз Брэндеру показалось, что он разглядел мис-

сис Герхардт. Немного погода какая-то тень проскользнула в калитку. Он узнал ее. Сердце его забилося, и, сдерживая волнение, он прикусил губу. Потом круто повернулся и зашагал прочь.

Крупнейшим бакалейным торговцем в городе был некто Мэннинг, стойкий приверженец Брэндера, очень гордившийся своим знакомством с сенатором. К нему-то и явился в этот вечер сенатор Брэндер и застал его за конторкой, поглощенного делами.

– Мэннинг, – сказал он, – не можете ли вы сегодня же выполнить одно мое поручение?

– Ну конечно, сенатор, конечно! – сказал бакалейщик. – Когда вы вернулись? Очень рад вас видеть. Я к вашим услугам.

– Подберите все, что нужно для праздника семье в восемь человек – отец, мать и шестеро детей: елку, угощение, игрушки... словом, вы понимаете.

– Конечно, конечно, сенатор.

– С расходами не считайтесь. Пошлите всего вдоволь. Я дам вам адрес. – И он вынул записную книжку.

– С удовольствием все сделаю, сенатор, – продолжал Мэннинг. – С величайшим удовольствием. Вы всегда были великодушны.

– Хорошо, хорошо, Мэннинг, – сказал сенатор и нахмурился, чтобы сохранить свое достоинство государственного мужа. – Отправьте все немедленно, а счет пришлете мне.

– С величайшим удовольствием, – только и мог сказать обрадованный торговец.

Сенатор вышел на улицу, но, вспомнив о стариках Герхардтах, зашел еще в магазин обуви и готового платья и, сообразив, что понятия не имеет, каких размеров нужны вещи, заказал кое-что с правом обменивать покупки. Покончив с этим, он вернулся к себе.

«Подбирают уголь... – снова и снова думал он. – До чего же я был невнимателен. Впредь не следует о них забывать».

Глава IV

Желание убежать, которое охватило Дженни при виде сенатора, объяснялось тем, что она считала свое положение унижительным. Ведь сенатор о ней хорошего мнения, какой стыд, что он застиг ее за столь низменным занятием! Она наивно воображала, что его интерес к ней вызван чем угодно, только не ею самой.

Когда она вернулась домой, дети уже рассказали матери о ее бегстве.

– Что это с тобой случилось? – спросил Джордж, когда она вошла в комнату.

– Да ничего, – ответила она, но тут же объяснила матери: – Мистер Брэндер проходил мимо и увидел нас.

– Вот как? – обрадовалась миссис Герхардт. – Стало быть, он вернулся. Но почему же ты убежала, глупенькая?

– Просто мне не хотелось, чтоб он меня видел.

– Ну, может, он тебя и не узнал, – сказала мать не без сочувствия.

– Да нет, узнал, – прошептала Дженни. – Он меня раза три окликнул.

Миссис Герхардт покачала головой.

– Что случилось? – спросил Герхардт, услышав разговор и выходя из соседней комнаты.

– Ничего, – ответила жена, которой вовсе не хотелось объяснять, какую большую роль сенатор стал играть в их жизни. – Какой-то человек напугал их, когда они несли уголь.

Позже в тот же вечер прибыли рождественские подарки и повергли все семейство в крайнее волнение. Герхардт и его жена не могли поверить своим глазам, когда фургон бакалейщика остановился у их дверей и рассыльный, здоровый малый, стал перетаскивать в дом пакеты. После безуспешных попыток убедить рассыльного, что он ошибся, Герхардты с вполне понятной радостью стали рассматривать всю эту благодать.

– Да вы не беспокойтесь, – уверенно сказал рассыльный. – Уж я знаю, что делаю. Ваша фамилия Герхардт, верно? Ну вот, это вам и есть.

Миссис Герхардт не могла усидеть на месте и, взволнованно потирая руки, повторяла:

– Ну разве не чудесно!

Сам Герхардт расчувствовался при мысли о щедрости

неведомого благодетеля и склонен был приписать случившемуся доброте крупного местного фабриканта, у которого он когда-то служил и который неплохо к нему относился. Мать семейства подозревала истинный источник неожиданной радости и была тронута до слез, но промолчала. Дженни же сразу догадалась, чьих это рук дело.

На второй день Рождества Брэндер встретился в отеле с миссис Герхардт – Дженни осталась дома присмотреть за хозяйством.

– Как поживаете, миссис Герхардт? – приветливо воскликнул он, протягивая руку. – Как встретили праздник?

Бедная женщина робко пожала руку сенатора, глаза ее мгновенно наполнились слезами.

– Ну-ну, – сказал он, похлопывая ее по плечу. – Не надо плакать. И не забудьте взять у меня белье в стирку.

– Не забуду, сэр! – ответила она и хотела еще что-то сказать, но он уже отошел.

Теперь Герхардт постоянно слышал об удивительном сенаторе из отеля, о том, какой он любезный и как много платит за стирку. Простодушный труженик легко поверил, что мистер Брэндер – добрейший и благороднейший человек.

Дженни и сама думала так же и все больше восхищалась сенатором.

Она становилась так женственна, так хороша собой, что никто не мог равнодушно пройти мимо. Она была высокая, великолепно сложена. В длинном платье, в наряде светской

женщины она была бы прекрасной парой для такого представительного мужчины, как сенатор. У нее были удивительно ясные, живые глаза, чудесный цвет лица, ровные белые зубы. И притом она была умна, чутка и очень наблюдательна. Ей недоставало только воспитания и уверенности, которой никогда не бывает у человека, сознающего свое зависимое, подчиненное положение. Необходимость заниматься стиркой, разносить белье и принимать всякую малость как благодеяние связывала ее.

Теперь она дважды в неделю приходила в отель; сенатор Брэндер держался с нею приветливо и непринужденно, и она отвечала ему тем же. Он часто делал небольшие подарки ей, ее сестрам и братьям и всегда говорил с нею так просто и искренне, что под конец ощущение разделяющей их пропасти исчезло, и она стала видеть в нем не столько важного сенатора, сколько великодушного друга. Однажды он спросил, не хочет ли она учиться, думая при этом, что образование сделало бы ее еще привлекательней. Наконец как-то вечером он подозвал ее:

– Идите-ка сюда поближе, Дженни.

Она подошла, и он вдруг взял ее за руку.

– Ну-ка, Дженни, – сказал он, весело и пытливо глядя ей в лицо, – скажите, что вы обо мне думаете?

– Не знаю, – ответила она, застенчиво отводя глаза. – А почему вы спрашиваете?

– Нет, знаете, – возразил он. – Есть же у вас какое-то мне-

ние обо мне. Вот и скажите, какое?

– Никакого нет, – простодушно ответила она.

– Нет, есть, – повторил он; ее явная уклончивость забавляла его и вызывала любопытство. – Должны же вы что-нибудь обо мне думать. Что же?

– Вы спрашиваете, нравитесь ли вы мне, да? – бесхитростно спросила Дженни, глядя сверху на львиную гриву черных с проседью волос, благодаря которой красивое лицо сенатора казалось почти величественным.

– Да, – ответил он, немного разочарованный.

Ей не хватало умения кокетничать.

– Ну конечно, вы мне нравитесь, – с милой улыбкой сказала она.

– И вы никогда больше ничего не думали обо мне?

– Я думаю, что вы очень добрый, – ответила Дженни, робея еще больше; она только теперь заметила, что он все еще держит ее за руку.

– И это все? – спросил он.

– Разве этого мало? – сказала она, и ресницы ее дрогнули.

Сенатор смотрел на девушку, и ее ответный взгляд – веселый, дружески-прямой – глубоко волновал его. Он молча изучал ее лицо, а она отвернулась и поежилась, чувствуя, хотя едва ли понимая все значение этого испытующего взгляда.

– Ну а я думаю, – сказал он наконец, – что вы замечательная девушка. А вам не кажется, что я очень милый человек?

– Кажется, – без запинки ответила Дженни.

Сенатор откинулся в кресле и рассмеялся – так забавно это у нее получилось. Она с любопытством посмотрела на него и улыбнулась.

– Чему вы смеетесь? – спросила она.

– Вашему ответу. Хотя мне не следовало бы смеяться. Вы меня ни капельки не цените. Наверно, я вам совсем не нравлюсь.

– Нет, нравитесь, – серьезно ответила она. – Вы такой хороший.

По ее глазам было ясно, что она говорит от души.

– Так, – сказал он, мягко притянул девушку к себе и поцеловал в щеку.

Дженни ахнула и выпрямилась, изумленная и испуганная.

Это было нечто новое в их отношениях. Расстояние между Дженни и государственным деятелем мгновенно исчезло. Она увидела в нем то, чего прежде не замечала. Он сразу показался ей моложе. Он относится к ней как к женщине, он в нее влюблен. Она не знала, что делать, как себя держать.

– Я испугал вас? – спросил он.

Она посмотрела на этого человека, которого привыкла глубоко уважать, и с улыбкой ответила только:

– Да, испугали.

– Это потому, что вы мне очень нравитесь.

Подумав минуту, Дженни сказала:

– Мне надо идти.

– Ну вот, – жалобно сказал Брэндер, – неужели вы из-за

этого убегаете?

– Нет, – ответила она, почему-то чувствуя себя неблагоприятной, – но мне пора. Дома будут беспокоиться.

– А вы не сердитесь на меня?

– Нет, – сказала она чуть кокетливо, чего прежде никогда не бывало.

Она почувствовала свою власть над ним, и это было так ново, так удивительно, что оба они почему-то смутились.

– Как бы то ни было, вы теперь моя, – сказал сенатор, вставая. – Отныне я буду заботиться о вас.

Дженни приятно было это слышать. «Ему впору творить чудеса, – подумала она, – он настоящий волшебник». Она оглянулась, и при мысли, что перед нею открывается такая новая, удивительная жизнь, у нее закружилась голова от радости. Не то чтобы она вполне поняла, что он хотел сказать. Наверно, он будет добр и великодушен, будет дарить ей прекрасные вещи. Понятно, она была счастлива. Она взяла сверток с бельем, за которым пришла, не замечая и не чувствуя несообразности своего положения, а для Брэндера это было горьким упреком.

«Она не должна разносить белье», – подумал он. Нежность и сочувствие поднялись в нем горячей волной. Он взял ее лицо в ладони, на этот раз как добрый покровитель.

– Ничего, девочка, – сказал он. – Вам не придется вечно этим заниматься. Я что-нибудь придумаю.

С того дня их отношения стали еще более простыми и

дружескими. Когда Дженни пришла в следующий раз, сенатор, не задумываясь, предложил ей сесть на ручку его кресла и стал подробно расспрашивать о том, как живут ее родные, чего хочет и о чем мечтает она сама. Он заметил, что на некоторые его вопросы она отвечает уклончиво, особенно о работе отца. Ей стыдно было признаться, что отец ходит по дворам и пилит дрова. Опасаясь, что тут скрывается нечто более серьезное, Брэндер решил, не откладывая, пойти и узнать, в чем дело.

Так он и поступил в первое же свободное утро. Это было за три дня до того, как в конгрессе началась ожесточенная борьба, закончившаяся его поражением. В оставшиеся дни все равно уже ничего нельзя было предпринять. Итак, Брэндер взял трость и зашагал к дому Герхардтов; через полчаса он решительно стучал в их дверь.

Ему открыла миссис Герхардт.

– Здравствуйте! – весело сказал он и, заметив ее смущение, добавил: – Можно войти?

При виде необыкновенного гостя добрая женщина совсем потерялась; она потихоньку вытерла руки старым заплатанным фартуком и наконец ответила:

– Да, да, пожалуйста, войдите.

Забыв закрыть дверь, она торопливо провела сенатора в комнату и, придвинув стул, пригласила его сесть. Брэндер пожалел, что так смутил ее.

– Не беспокойтесь, миссис Герхардт, – сказал он. – Я про-

сто проходил мимо и решил заглянуть к вам. Как здоровье вашего мужа?

– Спасибо, он здоров, – ответила она. – Ушел на работу.

– Значит, он нашел место?

– Да, сэр, – ответила миссис Герхардт; она, как и Дженни, не решалась сказать, что это за работа.

– И дети, надеюсь, все здоровы и ходят в школу?

– Да, – ответила миссис Герхардт.

Она сняла фартук и смущенно теребила его.

– Это хорошо. А где Дженни?

Дженни как раз гладила белье; услышав голос гостя, она бросила утюг и доску и убежала в спальню, где теперь поспешно приводила себя в порядок, боясь, что мать не догадается сказать, будто ее нет дома, и не даст ей возможности скрыться.

– Она дома, – сказала миссис Герхардт. – Сейчас я ее позову.

– Зачем же ты ему сказала, что я тут? – тихо упрекнула Дженни.

– А что же мне было делать?

Они не решались выйти к сенатору, а он тем временем осматривал комнату. «Грустно, что столь достойные люди живут в такой нужде, – думал он, – хотелось бы как-то им помочь».

– Доброе утро, – сказал он, когда Дженни наконец нерешительно вошла в комнату. – Как поживаете?

Дженни подошла к нему и, краснея, протянула руку. Его приход так взволновал ее, что она не могла вымолвить ни слова.

– Решил зайти и посмотреть, как вы живете, – сказал сенатор. – Дом неплохой. Сколько же у вас комнат?

– Пять, – ответила Дженни. – Вы извините, у нас беспорядок. Мы сегодня с утра гладили, поэтому тут все вверх дном.

– Понимаю, – мягко сказал Брэндер. – Неужели вы думаете, что я этого не пойму, Дженни? Не надо меня стесняться.

Он говорил так же спокойно и дружески, как всегда, когда она бывала у него, и это помогло Дженни прийти в себя.

– Пусть вас не смущает, если я еще как-нибудь загляну к вам. Я буду вас навещать. Мне хотелось бы повидать вашего отца.

– Вот как, – сказала Дженни. – А его нету дома.

Но пока они разговаривали, Герхардт со своей пилой и козлами как раз появился у калитки. Брэндер увидел его и тотчас узнал по некоторому сходству с дочерью.

– А вот и ваш отец, если не ошибаюсь, – сказал он.

– Неужто? – отозвалась Дженни и выглянула в окно.

Герхардт, поглощенный своими мыслями, прошел мимо окна, не поднимая глаз. Он поставил козлы у стены, повесил пилу на гвоздь и вошел в дом.

– Мать! – позвал он по-немецки, потом, не видя жены, подошел к двери и заглянул в столовую.

Брэндер встал и протянул ему руку. Сутулый, жилистый

немец подошел и пожал ее, вопросительно глядя на незнакомца.

– Это мой отец, мистер Брэндер, – сказала Дженни; чувство приязни к сенатору помогло ей победить застенчивость. – Папа, это мистер Брэндер, тот самый, что живет в отеле.

– Какая, простите, фамилия? – переспросил Герхардт, поворачиваясь от одного к другому.

– Брэндер, – сказал сенатор.

– А, да! – Герхардт говорил с заметным немецким акцентом. – После болезни я неважно слышу. Жена про вас поминала.

– Я решил зайти познакомиться с вами, – сказал сенатор. – У вас, я вижу, большая семья.

– Да, – сказал отец семейства; он вспомнил, что на нем потрепанный рабочий костюм, и ему хотелось поскорее уйти. – Шестеро ребят, и все еще не пристроенные. Вот она – старшая дочка.

В комнату вошла жена, и Герхардт поспешил воспользоваться случаем:

– Уж вы извините, я пойду. Сломал пилу, пришлось бросить работу.

– Сделайте одолжение, – любезно сказал Брэндер, сразу поняв, о чем всегда умалчивала Дженни. Он, пожалуй, предпочел бы, чтобы у нее хватило мужества ничего не скрывать.

– Так вот, миссис Герхардт, – сказал он, когда та села, на-

пряженно выпрямившись на стуле. — Я хотел бы, чтобы вы впредь не считали меня чужим человеком. И хотел бы, чтобы вы подробно рассказывали мне о своих делах. Дженни не всегда со мной откровенна.

Дженни молча улыбнулась. Миссис Герхардт беспокойно сжимала руки.

— Хорошо, — робко, с благодарностью ответила она.

Они поговорили еще немного, и сенатор поднялся.

— Передайте вашему мужу, — сказал он, — пусть зайдет в понедельник ко мне в отель. Я постараюсь ему помочь.

— Спасибо вам, — смущенно промолвила миссис Герхардт.

— А сейчас мне пора, — прибавил Брэндер. — Так не забудьте сказать мужу, чтобы он пришел.

— Ну конечно, он придет!

Брэндер надел перчатку на левую руку и протянул правую Дженни.

— Вот лучшее ваше сокровище, миссис Герхардт, — сказал он. — И я намерен отнять его у вас.

— Ну уж, не знаю, как я без нее обойдусь, — ответила мать.

— Итак, всего хорошего, — сказал сенатор, пожимая руку миссис Герхардт и направляясь к двери.

Он кивнул на прощанье и вышел, а с полдюжины соседей, видевших, как он входил в дом, провожали его из-за ставен и занавесок любопытными взглядами.

«Кто б это мог быть?» — вот вопрос, который занимал всех.

– Посмотри, что он мне дал, – сказала дочери простодушная мать, как только за гостем закрылась дверь.

Это была бумажка в десять долларов. Прощаясь, Брэндер незаметно вложил ее в руку миссис Герхардт.

Глава V

Обстоятельства сложились так, что Дженни чувствовала себя многим обязанной сенатору и, вполне естественно, высоко ценила все, что он делал для нее и ее семьи. Сенатор дал ее отцу письмо к местному фабриканту, и тот принял Герхардта на службу. Это было, разумеется, не бог весть что – просто место ночного сторожа, но все же Герхардт снова работал, и его благодарность не знала границ. Какой добрый человек этот сенатор, какой отзывчивый – таких больше нет на свете!

Не была забыта и миссис Герхардт. Однажды Брэндер послал ей платье, в другой раз – шаль. Все эти благодеяния делались отчасти из желания помочь, отчасти – для собственного удовольствия, но миссис Герхардт восторженно приписывала их одной лишь доброте сенатора.

А Дженни... Брэндер всеми способами старался завоевать ее доверие, и наконец ее отношение к нему стало настолько сложным, что в нем очень и очень непросто было бы разобраться. А эта юная, неопытная девушка была слишком наивна и беспечна, чтобы хоть на миг задуматься о том, что мо-

гут сказать люди. С того памятного и счастливого дня, когда Брэндер сумел победить ее врожденную робость и с такой нежностью поцеловал ее в щеку, для них настала новая пора. Дженни почувствовала в нем друга – и чем проще и непринужденнее он становился, с удовольствием освобождаясь от привычной сдержанности, тем лучше она его понимала. Они от души смеялись, болтали, и он искренне наслаждался этим возвращением в светлый мир молодости и счастья.

Все же временами его беспокоила мысль, от которой он не мог отделаться: он поступает не так, как следует. Не сегодня завтра люди заметят, что в отношениях с этой дочерью прачки он переходит границы благопристойности. От внимания старшей горничной, вероятно, не укрылось, что Дженни, приходя за бельем или принося его, почти всегда задерживается у него в номере на пятнадцать-двадцать минут, а то и на час. Брэндер понимал, что это может дойти до ушей других служащих отеля, слухи распространятся по городу и из этого не выйдет ничего хорошего, но такие соображения не заставили его вести себя по-другому. Он то успокаивал себя мыслью, что не делает ничего плохого для Дженни, то говорил себе, что не может лишиться единственной своей нежной привязанности. По совести говоря, разве он не желает Дженни добра?

Задумываясь над этим, Брэндер всякий раз решал, что не может отказаться от Дженни. Нравственное удовлетворение, которое он испытал бы, едва ли стоит боли, которую немину-

емо принесет такая самоотверженность. Долго ли ему осталось жить. Обидно было бы умереть, не получив того, чего так хочешь.

Как-то вечером он крепко обнял Дженни. В другой раз усадил ее к себе на колени и стал рассказывать о своей жизни в Вашингтоне. Теперь он никогда не отпускал ее без ласки или поцелуя, но все это были лишь слабые, неопределенные попытки. Он не хотел слишком сильно ее тревожить.

А Дженни в простоте душевной наслаждалась всем этим. В ее жизни появилось столько нового, необычайного. Наивная, неискушенная, она была способна глубоко чувствовать; она еще ничего не знала о любви, но была уже достаточно взрослой, чтобы радоваться вниманию выдающегося человека, который удостоил ее своей дружбы.

Как-то вечером, стоя рядом с его креслом, она провела рукой по его волосам, откинула их со лба, потом, от нечего делать, вынула у него из кармана часы. Ее милое простодушие привело сенатора в восторг.

– А вам хотелось бы иметь часы? – спросил он.

– Еще бы, – со вздохом сказала Дженни.

На другой день он зашел в ювелирный магазин и купил золотые часики с изящными фигурными стрелками.

– Дженни, – сказал он, когда она пришла в следующий раз, – я хочу вам кое-что показать. Посмотрите-ка, сколько времени на моих часах.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.